ГЛАВА 23

— Всего один глоток. Неужели в правилах секты сказано, что мясо нельзя есть даже во сне? — Цинь Фэн помешивал ложкой парящую в пиале уху, дразня Чу Ханьюэ аппетитным ароматом. — К тому же там наверняка написано «запрещено вкушать мясное». А это значит — нельзя лишать жизни ради пропитания, верно?

Чу Ханьюэ кивнул.

— В правилах секты не указана причина, но я полагаю, что запрет на убийство и поедание плоти введён, чтобы не осквернять духовную энергию. Это может помешать совершенствованию.

Цинь Фэн негромко рассмеялся.

— И как же я тогда вознёсся? Всё это чепуха. Ешь. К тому же эту уху я создал магией — на вкус как настоящая, но ни одна рыба при этом не пострадала.

Чу Ханьюэ всё ещё колебался. Он не хотел поддаваться искушению, боясь, что, стоит лишь раз распробовать вкус мяса, и он больше не сможет держать себя в руках наяву. Однако в животе возникло странное, томящее чувство — не боль, а непреодолимое желание, жажда изысканной пищи. Ханьюэ невольно прижал ладонь к животу; этот порыв перерос в такой острый голод, что ему пришлось с силой сглотнуть.

Раздался громкий звук — он сглотнул так отчётливо, что это услышал даже Цинь Фэн.

Испугавшись насмешки, Чу Ханьюэ с холодным лицом поднялся с кровати. Он подошёл к окну, распахнул его, а затем сел за стол и уткнулся в книгу.

Цинь Фэн, словно заботливый отец, ходил за ним по пятам, не выпуская из рук пиалу.

— Всего ложечку, только попробуй. Скоро остынет. Если не выпьешь ты, они тоже останутся голодными. Ты ничего не ешь в своих снах, а им нужно откуда-то брать силы, вот они и тянут их из тебя. Боюсь, ты просто не выдержишь.

Чу Ханьюэ даже головы не поднял, сверля взглядом страницы.

— Не думай, что я не вижу, как ты пытаешься меня обмануть.

— А давай так, — Цинь Фэну пришла в голову блестящая идея. — Ты выпьешь эту уху, а я за это расскажу тебе о своём детстве.

— О твоём детстве? — Чу Ханьюэ оживился и мгновенно отложил книгу. — Правда?

— Честное слово.

Цинь Фэн и сам не хотел, чтобы Ханьюэ верил во все те небылицы, что пишут в книгах. Он хотел, чтобы тот узнал его настоящего, и сейчас подвернулся идеальный случай — одним выстрелом двух зайцев.

Искушение было слишком велико. Чу Ханьюэ перевёл взгляд на пиалу с ухой.

— Расскажешь о том, как ты начинал свой путь?

— Расскажу, — Цинь Фэн пододвинул пиалу ближе к нему.

— И о том, как истреблял оборотней? — продолжал допытываться Ханьюэ.

— Обо всём, — Цинь Фэн заметил, как спутник воодушевился. Он явно вызывал куда больший интерес, чем любая еда.

Чу Ханьюэ, помедлив, всё же взял пиалу. Пальцы его слегка дрожали — он не только собирался нарушить многолетний запрет, но и пребывал в волнении от мысли, что услышит историю самого Бессмертного почтенного.

Он сделал крошечный глоток. Вкусно, наваристо и — на удивление — никакого специфического рыбного запаха. Пряный, слегка острый вкус пробудил аппетит, и в животе снова предательски заурчало. Ханьюэ смутился. Ему хотелось ещё, но он через силу поставил пиалу на стол.

— Тебе вообще хоть что-нибудь нравится в этой жизни? Жить в такой строгости — сплошное мучение. Когда вознесёшься, тебе будет не хватать таких простых радостей, — Цинь Фэн взял пиалу и сам принялся кормить его с ложечки. Чу Ханьюэ некоторое время сверлил его взглядом, но в итоге сдался и послушно проглотил всё до последней капли.

— После становления небожителем жизнь становится скучной? — спросил Ханьюэ.

— Не просто скучной, а невыносимо тоскливой. Иначе я бы никогда не… — Цинь Фэн вовремя прикусил язык, едва не сболтнув лишнего о своём спуске в мир смертных. — Небеса вовсе не такие прекрасные, какими ты их себе воображаешь.

Чу Ханьюэ слегка покачал головой. Он никогда не стремился к праздности и удовольствиям.

— И каков же Божественный мир на самом деле?

Цинь Фэн вскинул брови:

— На сегодня полагается только один рассказ. Выбирай: либо о том, что было до вознесения, либо о том, что после.

Чу Ханьюэ понимал: Цинь Фэн просто боится, что в следующий раз он снова откажется от еды во сне. Ему хотелось знать всё, но на долгие рассказы не хватило бы и целой ночи — Бессмертный почтенный наверняка слишком занят, чтобы тратить на него столько времени.

— Расскажи о том, что было до вознесения. В книгах пишут, что ты с самого рождения считался воплощением божества и тебя сразу отправили постигать Дао. Мол, в год ты уже умел писать, в три — знал назубок все заклинания, а в пять — ловил демонов. Это правда?

Цинь Фэн со смехом покачал головой и указал на свои глаза:

— При рождении мои зрачки были золотыми, это потом они стали чёрными. Говорят, моё появление на свет сопровождалось громом и молниями. Не лгут и в том, что эти молнии испепелили множество оборотней, но вот людей тогда погибло не меньше.

— Почему? — Чу Ханьюэ вспомнил ту ночь в секте Ваньшань и слова своего ученика о том, что любого, кто узрит истинный облик Бессмертного почтенного, ждёт кара. Неужели дело в этом?

— Скорее всего, просто совпадение. Я тогда ещё не был богом, так что никакая небесная кара свидетелям не грозила. Вероятно, в тех людях было слишком много злой энергии — ведь люди, в отличие от других рас, могут стать кем угодно: небожителями, оборотнями, демонами или богами. Должно быть, они практиковали какие-то запретные техники, — Цинь Фэн и сам пытался это выяснить, но не нашёл зацепок. — Из-за этого меня сочли перерождением демона похоти и выбросили. Меня подобрал и вырастил один старый даос.

Заметив удивление Чу Ханьюэ, он продолжил:

— И ещё — я действительно умел писать в год, но эти знания будто всегда были со мной. То же самое и с магией: она была врождённой, я ей не учился. Видя мою инаковость, наставник составил предсказание и решил, что я — реинкарнация демона похоти. Он испугался, что я принесу миру беды, и вместе с моим шишу наложил на меня мощную печать.

Цинь Фэн придвинулся ближе и по-хозяйски обнял Ханьюэ за талию.

— К счастью, теперь я встретил тебя, и печать пала.

— Может, просто срок её действия вышел? — Чу Ханьюэ не верил в подобные совпадения.

— Нет, ни с кем другим это бы не сработало, — отрезал Цинь Фэн.

— Значит, ты пытался с другими? — Чу Ханьюэ холодно хмыкнул и оттолкнул его. — Скольких же ты перебрал, прежде чем снять её?

— Ни единого человека! — Цинь Фэн мгновенно пожалел, что не придержал язык. — Как я мог смотреть на кого-то другого, когда у меня появился ты? Даже если срок и вышел, ты единственный, кто занимает моё сердце. Я и взгляда в сторону не брошу.

Цинь Фэн принялся ластиться к нему, снова притянул к себе и положил ладонь Ханьюэ ему на живот.

— Ты не можешь меня бросить. У детей должен быть отец.

— Прочь! — Чу Ханьюэ всё ещё злился, но, глядя на это нелепое кривляние, с трудом сдерживал смех. — Ты всегда себя так ведёшь? И с другими небожителями тоже?

— Они невыносимо скучные, а ты — самый лучший, — Цинь Фэн положил голову ему на плечо и замер, не сводя взгляда с белоснежной кожи на шее. Едва сдерживая желание прикусить её, он легонько вдохнул аромат Ханьюэ. — Я почувствовал.

— Что? — Чу Ханьюэ не понял, к чему это было сказано.

— Будет девочка, — Цинь Фэн звонко чмокнул его в щеку. — Не зря тебя так на острое потянуло. Говорят же: тянет на кислое — к сыну, на острое — к дочке.

Чу Ханьюэ мгновенно покраснел.

— Глупости неси!

— Погоди, не двигайся, — Цинь Фэн на мгновение сосредоточился, прислушиваясь к своим ощущениям. — Похоже, второй всё-таки мальчик.

http://bllate.org/book/17570/1658902